

В данном очерке представлена (описана) история человека с интересной судьбой. Это выходец из народа, ветеран войны и труда, отмеченный многими грамотами и медалями - Павел Андреевич Каркин. Его деятельность как трудовая, так и общественная отмечена многими поощрениями. Он участник многих слетов, устраиваемых в честь ветеранов войны, также, был делегатом на Республиканской конференции защитников Мира от городских предприятий города Глазова. Участник Всесоюзного совещания работников мебельной промышленности, бывший депутат горсовета, уполномоченный Совета пенсионеров, уличкомми т.д.

(Faint, mostly illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page. A large watermark "АРХИВ" is visible across the page.)

Я, Каркин Павел Андреевич родился 13 января 1905 года, в дер. Торлино Балезинского района Удм. АССР.

Родители - крестьяне-земледельцы, и я тоже пошел по их стопам. С 1910 года, 5-летним ребенком начал учиться в начальной школе, с 1915 по 1916 годы учился в двухклассной (5 и 6 классы) школе. Дальше учиться не пришлось, помешала I-я мировая война. Семья у родителей была из 14 человек, отца и его брата призывали в армию, и я 13-ти летний остался мужиком в хозяйстве.

За землю налоги платить было нечем, и я в свободное от полевых работ время, работал по найму плотником. Дальше освоил производство рамочных ульев, а также столярные изделия для хозяйства.

События Февральской революции потрясли тогда всю Россию, война же была проиграна и все ждали ее конца. Войной Россия была разоренной и голодной.

Только Великая Октябрьская революция вывела нас из рабства. Хорошо помню, как дед пришел из деревенского собрания и сказал, что победила Советская власть и что теперь налоги за землю платить не будем, и как мы дети были рады этим событиям.

Не успели успокоиться, как началась гражданская война. Колчак наступал с Востока, это была весна 1919 года, бои доходили до нашей деревни. Отступая, части Красной Армии мобилизовали на вою, на защиту Советской власти все взрослое население. А я недоросток попал ездовым в возвод 3-й армии. При отступлении из деревни Кортышево меня контузило, и я в бессознательном состоянии был доставлен в тыловой лазарет дер. Дизьмино. В июне белых прогнали, а меня освободили "под чистую". Для меня гражданская война кончилась, но здоровье было неважное. И снова плотничья и столярная работа на стороне: в хозяйстве нужны были деньги. Повзрослев, меня 2 марта 1929 года определили на постоянную работу прорабом станции Глазов. С 3-го августа 1933 года по 8 февраля 1937 года работал столяром в Глазовском Леспромхозе. С 1938 года поступил работать в Глазовскую мебельную мастерскую столяром. 2 января 1942 года призван был в ряды Красной Армии.

Из фронтовых воспоминаний П.А.Каркина.

В 1938 я поступил на мебельную фабрику. Станки режущие и частые травмы : я пожелал освоить санитарий. Сдал нормы ГСО, с получением удостоверения санинструктора II ступени.

В 1939 году, в финскую кампанию в наш город стали поступать раненные и меня назначили начальником сандружины. Днем работали на производстве, а ночью встречали и выгружали из вагонов раненных. И так было всю войну, на мебельной я воздевлал также санитарный пост.

В 1941 году нам дали задание работать для фронта : изготовление лыж. С большим трудом освоили мы это производство. Но в процессе работы допустили ошибку, носки лыж гнули недостаточно круто, а после естественной усадки, лыжи оказались забракованными. На рекламное извещение я выехал в Свердловск. Там меня встретили в штыки, обвиняли в умышленной порче военной продукции, и назвав врагом народа, хотели отправить в штрафную роту. Но так как в гражданскую войну я был контужен, остался нервно-больной и на военном учете не состоял, то я и миновал таким образом штрафной роты.

Но приехав в Глазов я сразу обратился в горвоенкомат, рассказал о случившемся и просил отправления на фронт, чтобы искупить вину перед родиной. Военком удовлетворил мою просьбу, и так я оказался на передовой.

В феврале 1942 года года прибыли под Волоколамск, бои были жестокие, но полуразрушенный город был освобожден. Дальше освободили города Гжатск, Вязьму и Сычевку. Находясь в обороне в Смоленской области, я находился при ротном штабе. Как-то в одну ночь, начальник боевых охранений ^{сменить} попросил меня помочь ему 5 постов по 2 человека. Мне предоставили наряд в 10 человек, сменив I пост, я позволил им идти одним в землянку на отдых. А на посту стояли Садыков из Казани, партийный и его напарник украинец Ковтун Федор. Это у нас было в принципе: ставить на пост одного партийного, а другого беспартийного. И когда же сменив 5 постов, я пришел в землянку, то одного там не оказалось. Оказывается с I поста Ковтун Федор перебежал к немцам: в траве по росе отчетливо были видны его следы. О случившемся доложили комиссару батальона. Последний меня арестовал, закрыв в заброшенную землянку. Дело дошло до Особого отдела, где я обвинялся в преда-

4

предательстве и измене родины. Так как перебежчик Ковтун передал все наши военные секреты, а также расположения наших землянок и огневых точек, то по опыту наши переселились на новое место, а немец бомбил наши заброшенные землянки.

Особый отдел определил меня в расход, как изменника родины, а нашим приказал рыть могилу, и назвал часы и минуты расстрела. На третий день моего ареста, меня два конвоира привели к Особисту, который встретил меня с окриком, что видел ли я свою могилу, сказав, что жить мне осталось 2 минуты и просил сказать последнее мое слово. С большим трудом я ответил, что не хотел умирать от русской пули, а только от немецкой. Но он ответил, что меня как изменника и предателя родины, уничтожит только русская пуля. Кончил я свое слово, что докладывает старшина медицинской службы Каркин. А Особист судил меня как строевого старшину, не зная что я медик; сказал, что вышла ошибка. Свое первоначальное определение отменил, и снял арест. Но я долго не мог взять свой автомат, от страха у меня перестали действовать руки и ноги. А когда немного успокоился, то почувствовал движение пальцев рук и ног, мог взять свой автомат и спросил, что мне можно идти. "Идите" - был ответ. В роте тоже горевали, но и встретили потом с объятиями, со слезами радости - по - солдатеки. Когда я посмотрел на себя в свое маленькое зеркальце, то удивился, что стал совсем седым стариком, а три дня тому назад был черным.

Погибать на фронте не отрадно, но так глупо и безвинно погибать весьма невыносимо. А особенно я беспокоился о родных, когда мне сказали, что разорим и разошлем всех моих родных.

Бои на подступах гор. Ельни. 28 августа 1943 года я получил множественное осколочное ранение. Целой осталась только левая рука, а основное - травма черепа. Целые сутки лежал на поле боя без сознания, только на другие сутки подобрали истекшего кровью. Врач обследовав заключил, что этот уже не жилец и приказал отнести к братской могиле. Сознание не приходило, а лежал, видимо, на носилках на краю могилы. На третий день санитарам нужны стали носилки, и они взяв за задние ручки, вниз головой бросили меня в могилу на трупы. (из слов санитаря). На 7-й день - приказ - передвинуться ближе к фронту. Два санитаря пришли заваливать братскую могилу, и так как меня бросили позже и я, видимо, оказался наверху, то первый ком земли попал на меня. Почувствовав, видимо, боль, скорчился и дрогнули руки и ноги. Донесли врачу, и он приказал достать из могилы, начали лечить, от укола пришел в сознание. На вопрос санитаров, помню ли я, сколько лежал в могиле, я ответил им, что около 10 минут, но на

краю могилы. Видимо, на какое-то время приходило сознание, и осталось в памяти, а санитары ответили, что я пролежал 6 суток.

Дальше эвакуация в тыл, Сычевку, Вязники и Киров. В Киров наш состав прибыл в первых числах октября, а я был раздетый, в одном нижнем белье. Из вагона с припадком эпилепсии, выгрузили на носилках на платформу, а поезд ушел дальше. После ухода летучки, дежурный по вокзалу обнаружил большого раненого на носилках. Госпитали принимать отказались: не было истории болезни и обмундирования. Тогда дежурный обратился к Областному военному коменданту. Комендант приказал принять в хирургический госпиталь 1322, погрозив, что больной на фронте не погиб, то здесь он погибнет от холода без одежды. Лечился и пролежал я там до 25 марта 1944 года, немного раны зажили и я был откомиссован со снятием с воинского учета по 2 и 44 статьям, сопутствующий диагноз был указан - эпилепсия. Врач - психиатр такой документ подписать отказался, и взял к себе на испытание. Убедившись, 5 апреля подписал.

Одели меня на списанное, так как я к ним поступил без обмундирования, а в моем документе указали, что ранен в августе 1943 года, а в госпитале находился с 25 марта по 5 апреля 1944 года. Конечно, я тогда ничего не понял, а приехав в Глазов обратился в горвоенкомат. Там обнаружили, что с 28 августа 1943 года по 25 марта 1944 года я дезертирствовал, спасая свою шкуру. Инвалидность при выписке не дали, а потому и продовольственную карточку не давали. Только поступив на мебельную фабрику я стал получать продовольственную карточку. Для выяснения в Киров ехать не мог, и снова через военкомат просил лечащего врача Жилина Николая Прокопьевича и Зинаиду Александровну (фамилию не помню), подтвердить мое нахождение в их госпитале. Но, к сожалению, они подтвердили мое дезертирство, ответив, что такого больного в нашем учетном списке не обнаружено. Как мне было горько и обидно, ведь я добровольцем ушел на защиту родины, а теперь вот инвалид и нет внимания, вместо внимания - оскорбления. Оправдательных документов у меня никаких не было, ведь я был доставлен в Киров в одних кальсонах, и почему не могли оставить со мной хотя бы историю болезни.

Орден Красного Знамени я получил только в 1956 году, представлен к награде 23 октября 1943 года, и после этого со мной стали говорить как с человеком.

Вернусь к событиям марта 1942 года, которые забыл упомянуть. Я санинструктор в роте. К нашей роте был придан разведывод. Им было дано задание достать языка. Ночью пошли на выполнение задания, а меня взяли как санинструктора на всякий непредвиденный случай.

Прошли ничейную полосу и вышли на опушку леса к немцам. 4 человека пошли на захват часового немца, а мы 5 человек остались в резерве. Но наши разведчики попали под засаду, и естественно, началась обходная перестрелка. С боями наши отошли, но к нам дошли только трое. И вот командир разведчиков приказал мне, на месте боя найти раненого или убитого солдата. У меня были носилки белые на лыжах, а лыжи — коричневые. Пользуясь темнотою ночи, я пошел искать разведчика на месте перестрелки. Но разведчик был только легко ранен. Немного задержавшись, он самостоятельно, после моего ухода, пришел к своим. На пути же мы с ним не встретились, мы были в белых масках. Я по дну оврага пошел на место боя, но не раненого и не убитого там не обнаружил. В поисках своих я делал круги, и немцы, видимо, заметили движение темных лыж на снегу. Меня буквально окружили человек 7 со всех сторон. Носилки на лыжах я оставил и начал отходить к своим. Но с тыла, навстречу мне, заметил немца, и еще двоих, идущих по берегу оврага, а четверо далеко в стороне, видимо, их резерв. Мне со дна оврага их хорошо видно. У меня был автомат и две гранаты, немец, что шел навстречу, уже близко, у меня созрел план для данной обстановки простой, одной гранатой — немца, друной сэкономить для своей кончины. Живым сдаваться не хотел. А им хотелось взять меня живым, потому в меня и не стреляли. Шагов 5 до встречи с врагом, я и бросил в него гранату, а сам сразу бросился на снег. Опомившись, нацелил свой автомат на идущих по берегу 2-х немцев, выпалив на них сразу все 70 патронов. Остальные 4 человека стали отходить, они видно думали, что русских тут много, потому что я производил беспорядочную стрельбу. Когда понял я, что путь отхода к своим свободный, я вернулся за носилками, ведь это тоже мое вооружение, но они были так изрешечены пулями, видимо, немцы стреляли по темным лыжам. Так я остался жить в кругу своих.

Хотелось бы рассказать о том, как мне был присужден Орден Красного Знамени. Нашему батальону было задание: улучшить свои боевые позиции, занять с боями высоту. Август 1943 года, проливной дождь и слякоть. Не взирая ни на что, наши продвинулись и осилили врага. Но силы были неравные, враг вдвое превосходил численно и вооружением. Под напором врага наши были вынуждены отходить на старые позиции. Но 16 человек не досчитались. Тогда комиссар батальона приказал мне сделать развед-

ку, а обнаружив, помочь им выбраться к своим. Около штаба я вбил кол в землю и привязал конец кабеля, и по кабелю, не выпуская из руки, пошел на место боя. Немцы близко, но во время дождя они сидели в землянках. Нашел я одного раненого и спрашиваю, куда ранен. Он ответил - в руку. А почему не вышел со своими -? Потерял ориентир, отвечает он, ведь темно и дождь, да кругом немцы. Тогда я ему в руку дал свой кабель и сказал, вот тебе дорога и выходи. Таким вот образом я в кратчайший срок отправил 14 человек легкораненых из под немца. 15-й оказался ранен в ногу, шепотком я ему объяснил, что медлить нельзя, начинался рассвет и враги обнаружат, просил его ползти по кабелю хоть на коленях и он послушался. Хуже оказалось с 16-м - ранен в обе ноги. Я перевалил его на плащпалатку, от боли он застонал и немцы нас стали обстреливать. Чтобы не попасть под обстрел я потащил его в сторону немцев, а рот заткнул марлей. Только так мы остались живы, нас они потеряли и стрелять перестали. Тогда я повернул с ношей к своим. И если бы не дождь и темная ночь, мы бы не спаслись.

За описанный здесь подвиг я и был представлен своим командованием к награждению Орденом Красного Знамени, за № 509158 от 23 октября 1943 года.

Уже в конце войны получил медаль "За победу над Германией" от 8 октября 1946 года.

Имею почетный знак "Ветеран II Гвардейской Армии" от 9 мая 1976 года, памятный знак "Ветеран 208-й Краснознаменной Кенигсбергской Стрелковой дивизии" от 1 апреля 1976 года.

Вручены мне и юбилейные медали : "20 лет Победы над фашистской Германией", "30 лет Победы над фашистской Германией" и медаль "30 лет Победы" как участнику трудового фронта.

12 апреля 1944 года я снова был принят на мебельную фабрику мастером-бракером, здоровье было мало сказать неважным. Ходить я не мог, а работники были нужны, поэтому меня привозили и отвозили на лошади. Сидел я с большим трудом, позвоночник был поврежден, правой рукой едва выводил буквы, а левой передвигал фанеру. Получалось что-то вроде пишущей машинки.

С 4 января 1956 года переведен начальником ОТК. 11 ноября 1958 года вышел на пенсию. О моей трудовой деятельности на

мебельной фабрике, как о ветеране труда имеется заметка под названием " От скалки до полированной мебели " (газета "Красное Знамя" от 17 мая 1977 года).

За хорошую работу на фабрике занесен в Книгу Почета фабрики 27 апреля 1956 года, 29 апреля 1957 года, 29 апреля 1952 года. (последнее вспомнилось позже).

Имею Почетную Грамоту Верховного Совета УАССР от 5 ноября 1957г. Неоднократно награждался производственными Почетными Грамотами и денежными премиями.

Вел общественную работу : депутат горсовета с 1953-1955 год. Десятидворник-уличком с 1937 - 1941 год. Уполномоченный Совета пенсионеров с 1960-1967 год.

В 1948 году был избран делегатом на Республиканскую конференцию защитников мира от городских организаций города Глазова.

В 1956 году -участник Всесоюзного совещания работников мебельной промышленности.

Был долгое время начальником санпоста на мебельной фабрике.

19 оентября 1946 года мне была вручена медаль " За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

